

18+

Клара Шахова

Нечаянный дар

*Мистические
и просто необычные
истории*

Клара Шахова
**Нечаянный дар. Мистические
и просто необычные истории**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63698762
ISBN 9785005309013*

Аннотация

Иногда, написав очередную произошедшую со мной историю, ловлю себя на мысли: а если бы мне кто-то такое рассказал – поверила бы? Не знаю. Все эти невероятные, нереальные, на первый взгляд, происшествия происходили РЕАЛЬНО – со мной, с моими близкими, знакомыми. В этом сборнике нет ни одной выдуманной байки. Хотя часть историй написана от третьего лица, то есть в форме рассказа, тем не менее, произошли они именно СО МНОЙ или при моём непосредственном участии.

Содержание

ИРРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	5
НЕПОЗНАННОЕ	14
БУДЕМ ЖИТЬ!	14
НП ПОД ПОТОЛКОМ	20
ЧАСЫ ПРОБИЛИ ПОЛНОЧЬ	24
ЗМЕЙ ИЗ ТРУБЫ	26
ПРИЛЕТЕЛА ПРОСТИТЬСЯ	35
ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ	38
МАРТ – ВЕСНА ВОДЫ	38
МАДОННА МЕСТНОГО УЕЗДА	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нечаянный дар Мистические и просто необычные истории

Клара Шахова

© Клара Шахова, 2021

ISBN 978-5-0053-0901-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИРРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

*Считаю себя материалисткой. Природу непонятных явлений стараюсь объяснить физическими законами, химическими процессами, психологическими связями. Но всё же иногда случается такое, что... иначе как мистикой не назовёшь. Что же это за явление такое? Само слово – **мистика** – имеет греческие корни и переводится как «скрытый», «тайный». По Википедии, это вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться человек; также сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом (или с богами, духами и другими нематериальными сущностями); также проявление сверхъестественных сил».*

Если попроще, то мистика – это нечто загадочное, невероятное и, на первый взгляд, совершенно необъяснимое, совокупность неких явлений, особым образом связывающих человека с таинствами мироздания. Конечно, пока ещё множество тайн человеческого бытия и человеческого разума остаются для нас загадкой. Но в силу дуальности мироздания, в основе устройства которого признаются два независимых и равноправных начала: материя и дух, – нельзя отрицать, что давно существуют паранормальные явления, утвержда-

ющие чёткую взаимосвязь материального и духовного мира. Это телепатия – передача мыслей на расстоянии, ясновидение – поразительная, превышающая меру обычного восприятия интуиция, вещие сны – реально сбывающиеся, дальновидение – способность воспринимать то, что находится на большом расстоянии, биоэнергетическое целительство – лечение недугов на энергетическом уровне и прочие необычные явления, изучением которых занимается парапсихология. Но пока ни одна из серьёзных наук не располагает такими средствами, чтобы полностью понять и объяснить механизм их происхождения.

Российский советский учёный, академик В. И. Вернадский в своей теории о ноосфере, которую считал высшей стадией развития биосферы Земли, оценивал роль человеческого разума как планетарное явление. А значит, можно предположить, что, в самом деле, существует единое энерго-информационное поле Земли, и при некоторых обстоятельствах мы получаем возможность в него проникать или подключаться к нему, хотя бы на уровне подсознания. А возможно, это новый уровень сознания, позволяющий фрагментарно видеть так называемый «тонкий» мир. Известно очень много историй о взаимодействии человека с разными загадочными силами, невообразимыми, феноменальными явлениями, при которых ему открываются неизведанные ранее ощущения и видения. И со мной таких историй случалось немало.

С самого раннего детства время от времени мне довелось наблюдать удивительные вещи: «оживали» картинки из книжек, предугадывались какие-то поступки людей, их намерения, физическое и душевное состояние. Несколько позже начали открываться пространственные многокилометровые порталы, которые я каким-то чудодейственным образом преодолевала и видела, что в это время происходит с моими близкими. И порой даже предотвращала грозящую им беду. Жаль, не всегда. Например, о том, что с одним из моих братьев, жившем в другом городе, произошло страшное, о чём меня никто не известил, поняла только, когда это уже случилось. Через неделю неведения, мучительных предчувствий и невероятных переживаний получила телеграмму о его кончине, причём «прочитала» её ещё до того, как раскрыла. Не раз возникали опасные ситуации и для меня самой – на грани выживания. Порой спасалась только чудом.

Уже в зрелом возрасте столкнулась и с таким явлением как астральный двойник. Что-то не договорили с коллегой. Потом в суете рабочего дня я и думать об этом забыла. Возвращаюсь с работы домой в переполненном автобусе. Стою в проходе плечом к плечу с попутчиками. Вдруг слышу голос той самой коллеги: «Тебе ещё не икается?». Ищу её взглядом и вижу – из-за нескольких, плотно прижатых друг к другу тел пассажиров выглядывает ...фантом. Да, это она, вернее – её призрак, который напоминает мне: «Мы не договорили!». Я мысленно ему отвечаю: «Завтра, завтра! Здесь не место!».

И призрак исчезает. Мобильников тогда не было. А коллеге не терпелось продолжить беседу. Вот и «поговорили» – как по Скайпу. И у меня это был не единственный случай таких «бесед». Позже где-то вычитала, что явление астрального двойника реально существует. Это астральная проекция: отделение от физического тела его энергетической копии, что-то вроде призрака при живом человеке.

Но самым нещадным образом обострённая интуиция проявилась в такой ужасной форме, что я просто не знала, что с этим делать. Это была «маска смерти» (ещё её называют «печатью смерти» и «маской Гиппократ»), которая мне открывалась на лицах людей, обречённых на преждевременную или близкую кончину. Впервые увидела её, когда приехала с семьёй на свою малую родину в отпуск. Детская площадка была довольно далеко от дома моих родителей. Проводив туда детей, я возвращалась по межквартальной дорожке. Вернее, по тротуару, пролегающему вдоль этой дороги. А по другой стороне навстречу мне шёл один мой знакомый. И ещё издали, едва разглядев его лицо, я пришла в недоумение: «Как?! Он куда-то ещё идёт?! Его же нет уже на свете!». Не знаю, почему мне пришло это в голову. А меньше, чем через полчаса, домой откуда-то вернулась мама и с порога сообщила:

– Вовка Сеянов только что разбился на мотоцикле. Насмерть.

Оказывается, когда мы с ним встретились, он шёл в гараж.

Вывел оттуда свой мотоцикл. С места взял непосильную для этой марки скорость. Машина юзанула и мощным броском вышвырнула седока прямо в груды кирпичей, припасённых кем-то из владельцев гаражей для своих нужд.

Мне тогда вспомнился эпизод из романа М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». В главе «Фаталист» главный герой романа Печорин увидел «печать смерти» на лице сослуживца Вулича незадолго до его гибели – в тот же вечер поручик был зарублен казачьей шашкой. Позже слышала от участников Великой Отечественной войны (1941—1945 г.г.), что некоторые командиры, собрав перед боем свои подразделения, безошибочно определяли, кто сегодня останется на месте сражения. Это объясняется тем, что человеку с хорошо развитой интуицией заметны изменения во внешности обречённого, особенно в лице. Хотя сам феномен явления «маски» объяснить вряд ли возможно.

Но во всех приведённых тут случаях «маска смерти» была видна не более чем за несколько минут, самое большее – часов, до рокового исхода. К моему несчастью, меня это видение начало «терроризировать» системно, то есть часто. И – в долгую: и за сутки, и за две недели, и за несколько месяцев. Однажды мучилась два с половиной года. Только представьте: встречаешь человека и видишь... эту злосчастную «печать». А явных причин-то нет: человек в юном возрасте, здоров. Но как только встречаешься с ним, ужас охватывает – ведь ни предупредить, ни помочь не можешь. После

гибели этого мальчика, проводив его в последний путь, я пришла домой, встала перед иконой «Господь Всевышний» и со слезами на глазах начала умолять Его лишить меня этого страшного дара. Видимо, Он внял моим мольбам, хотя и не в полной мере, потому что «печать» я видела по-прежнему, но тут же об этом забывала.

Однажды случайно обнаружила, что могу диагностировать методом бесконтактного массажа и даже избавляться и избавлять других от боли. Кроме того, объявились и другие паранормальные способности, связанные с предсказаниями последствий тех или иных решений, действий моих знакомых в определённых обстоятельствах, в отношениях с другими людьми. Когда поняла, что это затягивает, от практики отказалась сразу. Всё это требовало полной отдачи сил и времени – этим нельзя заниматься между делом. А дело, любимое, у меня было. И есть.

Конечно, я понимаю, что дверца в тайные знания мне открыта была неслучайно. У моих родителей, у обоих, в роду были люди с природной гипнотической силой. У папы – дядя, который развлекал своих приятелей тем, что мог вручить одному из них огромную луковицу и внушить ему, что это яблоко. Тот ел и не морщился – только нахваливал, какое сладкое, сочное яблоко, и где это, мол, ты взял такое в начале весны. Мог одной фразой остановить соседа, проезжающего мимо его дома на телеге с сеном:

– Где колесо-то потерял?

Мужик сдерживал ход, прыгивал с воза. Лошадь затем продолжала своё шествие к дому. А сосед, бежал за ней, приговаривая:

– Ах ты, батюшки! Да куда ж колесо-то подевалось?!

Младший брат моей мамы Николай ещё в подростковом возрасте мог «отвести глаза» объездчику (была раньше такая должность – эти люди оберегали колхозные поля от расхитителей). Ну, уж очень ребяташкам хотелось полакомиться зелёным горошком! И при виде объездчика они не разбежались. Николай вставал перед ватагой и говорил: «Мы просто гуляем». При этом он смотрел прямо в глаза визави своим ясным отроческим взглядом. И объездчик проезжал мимо. Точно так же Николай смотрел на кассиршу в клубе, подавая ей вместо рубля пустую бумажку. И она выдавала ему билет на очередной киносеанс. Правда, старшая его сестра Валентина, моя тётя, работавшая тогда секретарём в районном народном суде и знавшая о его проделках, потом за него расплачивалась. А вот немецкую пулю «загипнотизировать» Николай не смог. Совсем юным он попросился на фронт добровольцем в самом начале Великой Отечественной войны. Окончил годичные офицерские курсы и в звании младшего лейтенанта отправился на защиту Москвы. Погиб в одном из жесточайших боёв за столицу нашей Родины в конце 1942 года.

У моего младшего брата и двух двоюродных сестёр тоже обнаружился дар провидения. Правда, разной степени силы

и обширности проявления. Брат и одна из сестёр от практики так же отказались. А вторая сестра, проживающая на Дальнем Востоке, занимается некоторыми видами целительства. И весьма успешно. Я же воспринимала и воспринимаю нечаянно открывшиеся возможности испытать нечто феноменальное – как дар, очень щедрый дар природы ли, судьбы, но никогда не хотела сделать это профессией. Однако в основной профессии он очень мне пригодился. Потому что журналист, кроме специальной профессиональной подготовки, должен обладать особым чутьём, умением наладить контакт, расположить к себе собеседника, подметить в разговоре и окружающей обстановке какие-то нюансы и детали, которые помогут чётко и выпукло представить суть обсуждаемой темы и найти пути решения поставленной проблемы. Да и, в конце концов, все представленные в сборнике истории – тоже плоды этого щедрого нечаянного дара. Поэтому и общее название для него не пришлось выдумывать. Ведь что означает старинное русское слово «чаять»? Думать о чём-то, мечтать, желать. А если не думаешь об этом, не мечтаешь, не ждёшь, а оно само к тебе приходит неожиданно-негаданно?!

Иногда, написав очередную, произошедшую со мной историю, ловлю себя на мысли: а если бы мне кто-то такое рассказал – поверила бы? Не знаю. Но это ведь было со мной! Не с кем-то другим. И рада бы не поверить... Но ведь БЫЛО! Все эти невероятные, нереальные, на первый взгляд, проис-

шествия происходили РЕАЛЬНО – со мной, с моими близкими, знакомыми. В этом сборнике нет ни одной выдуманной байки. Хотя часть историй написана от третьего лица, то есть в форме рассказа, тем не менее, произошли они именно СО МНОЙ или при моём непосредственном участии. Только четыре истории: «Колдун с Бермуд», «Часы пробили в полночь», «Сила духа» и «Змей из трубы» – написаны со слов других, но очень близких мне людей.

Кроме того, в этот сборник не вошли истории, угнетающие своей трагической неизбежностью. Современному читателю и так хватает всяких «ужастиков» – как навязываемых СМИ и ТВ, так и в реальной жизни. Поэтому старалась, насколько это было возможно, из того материала, который копился в моей памяти, а также в рукописном виде и в публикациях, выбрать и представить в этом сборнике светлые, тёплые, жизнеутверждающие новеллы. Подбирала с надеждой, что они кому-то помогут по-новому посмотреть на мир, в котором нам дано жить, и может быть, будут найдены пути его переустройства к лучшему.

Автор.

НЕПОЗНАННОЕ

БУДЕМ ЖИТЬ!

без вины виноватая

Самые страшные мистические истории, которые со мной приключались, связаны с «маской смерти» – ну, это когда видишь её на чьём-то лице и чувствуешь неизбежную вину: предотвратить ведь невозможно. Утешаешь себя: я только увидела! В чём моя вина?

Даже сейчас, когда давно вымолила у Бога освободить меня от этого «дара», вспоминая тех людей, которые были обречены, с трудом ухажу от переживаний. Поэтому рассказывать эти истории не буду. Разве что про человека, с которым никак не была связана. Например, про Марину Голуб. Эта актриса в начале двухтысячных была известна по теле-сериалам, ТВ-шоу и особенно по рекламе чистящего средства «Комет». Наше знакомство тем и ограничивалось. То есть мы никоим образом не пересекались и не соприкасались. И вот очередная реклама «Комет». И с первой же секунды у меня ощущение, что её – Марины Голуб – на самом деле нет. Всматриваюсь в телеэкран в изумлении – ви-

жу эту самую страшную маску на лице актрисы, а затем всю её – как голограмму, картинку-имитацию! Закончилась реклама – не могу выйти из ступора: почему мне это привиделось?.. Когда – вчера, сегодня, завтра? Нет-нет, мне это только показалось! Увы, на следующий день сообщают, что она попала в автомобильную аварию... *именно в тот день и час, когда я увидела её как голограмму.*

И таких историй с «масками» было очень много, но только две закончились благополучно. *Первая*, потому что человек находился далеко, и лица его я не видела. Это был мой отец. Ему тогда как раз исполнилось семьдесят лет. Мама прислала мне письмо (мы с родителями жили в разных городах), где написала, что папа серьёзно болен и лежит в больнице: «Приезжай, посмотри, чего нам ждать». Я поехала, сделала маме выговор при встрече:

– Как ты себе это представляешь? Вот я захожу в палату и что?!. Как мне справиться с эмоциями, если увижу... Ты, наверное, забыла, что не только в вашем роду были люди с обострённой интуицией. В папином – тоже. Он же сразу догадается! Всё, я приехала только навестить больного отца – никаких «экспертиз»!

Мама умоляюще смотрела на меня и ничего не говорила. Мне стало её жалко.

– Ну, хорошо, – говорю, – только я первая зайду. Одна. Сделала непроницаемое лицо и вошла в палату. Она была просторная, папина кровать стояла довольно далеко, но я

сразу же, от двери, поняла: будем жить! Тревожное выражение папиного лица, когда он увидел меня, сменилось на радостное. Он тоже понял: будем жить!

...Мы с мамой вышли из больницы.

– Ну, слава Богу! – сказала она, – значит, выздоровеет.

– Да, и скоро. И жить будет ещё очень долго.

Папы не стало через двадцать лет, когда ему было уже за девяносто. Он пережил маму на четыре с половиной года, хотя был старше неё более чем на шесть лет.

Вторая благополучно закончившаяся история случилась в очень тяжёлый для нашей страны перестроечный период – в начале 90-х. И она – единственная в своём роде. Дело в том, что я никогда не видела эту женщину – ни до, ни после. Мы работали с её мужем в одной редакции. Он был фотокорреспондентом, очень любил своё дело и ...свою жену. Часто в общем застолье и просто при случае нахваливал её с мечтательным выражением лица. Будто они были в долгой разлуке и вот, наконец, предстоит долгожданная встреча. Как-то раз, наблюдая такую «картинку», я обмолвилась:

– Миш, фотографию что ли принеси – мы хотя бы будем представлять о ком речь.

И он принёс, и первой мне показал. С первого же взгляда на неё мне стало плохо.

– Ну, ты чего молчишь, – встряхнул меня его голос, – не нравится?

Я что-то стала ему лепетать о том, какая у него в самом

деле симпатичная жена, какие у неё милые черты лица... Но вдруг встала и неожиданно даже для себя самой пошла по лестнице наверх – к себе (фотостудия была на первом этаже).

Кабинет у нас был на двоих с Люцией.

– Что с тобой? – встревожилась она, увидев меня.

– У Мишки жена смертельно больна, – выпалила я, едва закрыв за собой дверь.

– Это он тебе сейчас сказал?

– Нет, он фотографию её показал.

– ...Ты ему об этом сказала?

Я отрицательно покачала головой. Через некоторое время выдавила из себя: «Не могу! А вдруг я ошибаюсь?..»

Прошло немногим меньше месяца. Однажды к нам с Люцией вошёл редактор и предупредил: придётся пока обходиться без фотографа. У Мишки ночью жену увезли на «скорой», сделали срочную операцию. Неизвестно, выживет или нет. Нужны дорогие лекарства, которые в аптеках просто так не купишь. Да и за ней ухаживать надо. Вот он и взял неоплачиваемый отпуск... Когда редактор это говорил, мы с Люцией смотрели на него и друг на друга ошарашенные: в рабочей текучке подзабыли о злосчастной фотографии, потом и вообще успокоились, а оно – чего боялись – всё-таки случилось!

Даст Бог – обойдётся! Это были наши первые слова после ухода редактора. Потом Люция отправилась на задание, а я начала «рисовать» макет следующего номера. Нашего фото-

кора мы не видели недели две, хотя через редактора были в курсе его дел. Он крутился на свадьбах и юбилеях, отработывая деньги, которые занял на лечение жены. Наконец, и сам объявился, сказал, что всё в порядке, опасность миновала, теперь только остаётся следовать рекомендациям врачей. Несколькими днями позже мы встретились с ним в его студии.

– Знаешь, при всех не стал говорить. Хотел вот так – тет-тет... Я тебе очень благодарен.

У меня от удивления брови поползли вверх:

– За что?!

– За то, что ты *хоть кому-то* сказала... ну, что увидела на фото...

– Тебе Люция проговорилась?

– Нет... Ну, она, конечно, кое-кому сказала, а мне... неважно кто!.. Главное, что до меня дошло. Если бы я этого не знал – понадеялся бы на наше бесплатное здравоохранение, не полез бы в такие долги. А тут как случилось – впечатался в меня твой «диагноз». Я наизнанку вывернулся, чтобы найти то, чего в больницах... даже не знаю, бывает ли вообще. Да и в аптеках практически невозможно по номиналу купить. Через третьи руки доставал за сумасшедшие деньги, которые, сама знаешь, где и как зарабатывал. И пока остаюсь в этом «графике» – не со всеми расплатился. Но ...зато теперь точно знаю: будем жить!

И я снова увидела на его лице то мечтательное выражение.

Им и в самом деле предстояла долгожданная встреча – дома: на следующий день её выписывали из больницы.

НИ ПОД ПОТОЛКОМ

У меня в детстве часто болело горло. К восемнадцати годам миндалины совсем утратили свою защитную функцию.

Хуже того, они стали рыхлыми, как сказала мне лор-врач во время очередного к ней визита. А стало быть, уязвимыми для всяких там микробов, бактерий, вирусов. В общем, стали не только бесполезными, как аппендикс, но и вредными. Аппендикс-то животом защищён, да и воспаляется он не у всех и не так часто. А тут хоть рот не раскрывай – что-нибудь да прицепится: не ангина, так ОРЗ. Словом, приговор в единственном варианте: удалять!

Не знаю почему, но перед операцией, хотя она и не полостная, не разрешили есть целый день. Соседки мои по палате украдкой что-то жевали, а я даже ничего с собой не прихватила. Нельзя – так нельзя! Правда, тут обещали спецпитание, чтобы не разбередить свежие раны. Но не сразу – только на следующий день. Сегодня же можно было только пить негазированные напитки, причём не слишком горячие и не слишком холодные. Мы заранее поставили на свои тумбочки кто сок, а кто просто кипячёную водичку.

Операция, как мне казалось, предстояла не такая уж серьёзная. И я в самом деле перенесла её довольно легко. Но после, уже полежав немного в постели, почувствовала

себя гораздо хуже. Может быть, с голодухи, может, потому что заморозка начала отходить, боль с каждой минутой всё яростнее рвала моё горло, шею, голову. Соседки, кстати, раньше меня пришедшие с операции, уже начали вставать. Некоторые отправились прогуляться по коридору или в фойе – к кому-то после «тихого часа» пришли родственники. У меня же была такая слабость, что я не решалась даже посидеть на кровати. И позвать кого-то на помощь не могла – у меня пропал голос. Как потом выяснилось, операция оказалась не такой уж и простой – для врача – из-за рыхлости моих миндалин, поэтому нечаянно были задеты голосовые связки. Голос потом, через несколько дней, к большой моей радости, восстановился. Но тогда, сразу после операции, я чувствовала себя совершенно беспомощной, всеми покинутой, как в песне из одного старого кинофильма про беспризорников: «Позабыт-позаброшен с молодых, юных лет...». Кстати, мои родные жили в другом городе и даже не знали о том, что я в больнице.

К концу дня я всё-таки заставила себя подняться. Держась за всё, что попадалось под руку, я вышла в коридор и по стеночке стала продвигаться вперёд. Но вот стенка кончилась. Дальше – в глубокой и широкой нише – пост дежурной медсестры, где она сидит, беседуя о чём-то с медсестрой из соседнего отделения. К ним подходит дежурный врач. Отцепившись от стены, я пытаюсь пойти дальше и... отключаюсь.

Через некоторое время начинаю понимать, что... лечу!

Но как-то странно: назад и вбок, не разворачиваясь лицом в сторону полёта, и, конечно, вверх спиной с безвольно раскинутыми руками и ногами. Вдруг мягко так стучаюсь спиной о потолок и... зависаю в таком положении. Оглядываю с высоты своего НП (наблюдательного пункта) место, где упала, и вижу, что меня там нет! А на посту дежурной медсестры три женщины в белых халатах хлопчут над чьим-то распростёртым на диване телом. У меня же – ни дать ни взять – отличный НП: мне сверху видно всё! Присматриваюсь: кто же там на диване? Боже мой! Да это же я! Бледная, как полотно, с закрытыми глазами. Медсестра вынимает из моей руки шприц, с нетерпением вглядывается в моё лицо и в отчаянии произносит:

– Вторую дозу вколола, а девочка в себя не приходит! – она вопросительно смотрит на врача. – Может, не камфару, а что-нибудь посильнее?

Врач согласно кивает головой и направляется в «сестринскую», видимо, за новой ампулой. Но тут я, стремительно ринувшись со своего НП вниз, открываю глаза. Вздых облегчения вырывается из груди не на шутку перепугавшейся медсестры:

– Слава Богу!

На её возглас врач оборачивается, видит, что пациент скорее жив, чем мёртв, и возвращается, тоже радостно улыбаясь. Я приподнимаюсь на диване, смотрю на потолок. Ничего не понимаю. В сопровождении медсестры возвращаюсь в па-

лату, забираюсь под одеяло и засыпаю...

Вспоминая это происшествие, я никак не могла объяснить себе его природу. Что это было? Гораздо позже узнала, что такие видения бывают при кратковременной остановке сердца. При долговременной – более, чем на 2—3 минуты – говорят, перед человеком открывается тоннель с ослепительным манящим светом в самом его конце. Некоторые идут на тот свет (в прямом и переносном смысле), но не все возвращаются. Слава Богу, что мне не привиделся этот тоннель, который, наверное, мог бы в самом деле увести в вечность.

ЧАСЫ ПРОБИЛИ ПОЛНОЧЬ

Это случилось в Ульяновске много лет назад. У одной женщины умер муж. Заканчивался високосный год, а муж долго и тяжело болел – словом, его близкие были к этому готовы. Но всё же вызвали «скорую». Врачи констатировали «летальный исход» и уехали.

Жена с дочерью и соседкой обмыли, обрядили покойника, положили в передний угол зала на табуретки. Предстояла ночь бдения. Сидели без слёз, тихо обсуждая, что и в каком порядке нужно сделать завтра, что – в день похорон...

И вдруг настенные часы забили полночь. Муж, то бишь покойник, стал медленно подниматься на своём ложе. Сел, открыл глаза, обвёл мутным взором комнату и остановил взгляд на жене. Она, повинувшись укоренившейся в ней за время его болезни постоянной готовности помочь, бросилась к мужу, подставила плечо и повела его в спальню. Пока укладывала в постель, успела обидеться на дочь и соседку: «Надо же – и не помогут!» Вышла в зал – соседку словно ветром сдуло, дочь лежала в глубоком обмороке!..

Снова вызвала «скорую». Приехавшие врач и медсестра долго приводили в чувство дочь, потом осмотрели покойника... Да, он снова уже был покойником – на этот раз вправду. Подивились медики рассказу жены о нечаянном его вос-

кресении, но поверили. Хотя в их практике самостоятельный выход из клинической смерти при таком заболевании ещё не встречался, мировой медицине, оказывается, такие случаи в общем-то известны. И происходят они по разным причинам. Здесь, как предположили медики, скорее всего, сработал бой часов.

ЗМЕЙ ИЗ ТРУБЫ

(бабушкины сказки)

«Сказки» в подзаголовке – не потому, что это выдуманная история, а потому, что её СКАЗывала моя бабушка – Наталия Васильевна Костырева, родившаяся и прожившая всю жизнь в селе Головиницино Каменского района Пензенской области.

Это случилось как раз тогда, когда детки её, повзрослев, все семеро поехали искать счастья в далёких краях. В середине-конце 30-х годов прошлого века вся наша страна, оправившись от гражданской войны, кипела великими промышленными стройками, занималась обустройством окраинных территорий. Молодёжь по призыву партии и правительства и по зову собственных сердец стала главной движущей силой возрождения и развития страны. Уезжали всерьёз и надолго. Сначала уехали старшие: Василий – на Дальний Восток, Александра – на Сахалин, Валентина – в Монголию. Потом началась Великая Отечественная. Павел и Анна пошли воевать, Мария с мужем (мои родители) работали в одном из городов Поволжья на военном заводе. Самый младший Николай не сразу, но всё же добился в военкомате до-

срочного призыва и, окончив курсы младшего командного состава, тоже отправился на фронт. А вскоре бабушка получила на него «похоронку». Но тут вернулась домой Анна – её комиссовали после тяжёлой болезни. Однако радость бабушки была недолгой: дочь неожиданно быстро вышла замуж и уехала с мужем в Таджикистан. Павел тоже ещё до окончания войны был комиссован по серьёзному ранению. И тоже дома не остался – уехал на Дальний Восток к старшему брату, который не воевал по инвалидности. Бабушка поняла, что теперь не будет видеть своих деток годами. И затосковала. Особенно переживала за Валентину. Ещё тогда, когда та только обмолвилась, а потом засобиралась в дорогу, долго её не отпускала. И была на то основательная причина.

...Годам к пятнадцати Валя стала самой красивой из сестёр, да ещё с такой же шикарной косой, как у матери. Все ею любовались. Как-то в начале весны девочка шла из школы в прохуdivшихся ботинках и провалилась сквозь рыхлый снег в глубокую лужу. Пока выбиралась из неё, почувствовала озноб: пальтишко старенькое – донашивала после старшей сестры – продувалось насквозь. И так закоченела, а теперь ещё и ботинки хлюпают водой со снегом... Её догнала сестра Маруся. Она поняла, что случилось, позвала к себе домой. Дело в том, что Маруся с младенчества жила не в своей семье, а со старшими сёстрами матери. Они никогда не выходили замуж, и детей у них не было. Чем могли – помогали младшей сестрице. Их дом был недалеко от шко-

лы.

Когда девочки пришли, Валя, едва успев раздеться, прислонилась к горячей печке. В доме была гостья, соседка тётушек. Увидев Валу, она начала восхищаться её необыкновенной красотой. От этих громких восторгов девочке стало не по себе. Потом, когда, переболев простудой, Валя продолжала страдать какой-то непонятной немочью, её близкие решили, что это сглаз. Гораздо позже сама она пришла к выводу, что это всё-таки было осложнение после той злосчастной простуды.

Новая болезнь тем временем вдруг обнаружила себя самым неожиданным и страшным образом. У девочки, которая обещала быть писаной красавицей, стало портиться лицо. Это случилось уже в Мокшане, районном центре Пензенской области, где тётя Валя вместе с моей мамой учились в сельскохозяйственном техникуме. В местной больнице при виде неё только руками развели и направили в областную, оттуда – в Москву. И вот в столичной клинике ей, наконец, здорово повезло. Во-первых, точно был поставлен диагноз: туберкулёз лицевых костей. Во-вторых, сразу же началась интенсивная терапия. В-третьих, была сделана косметическая операция. Конечно, не на сегодняшнем уровне – тогда не было такого оборудования и инструментов. В-четвёртых, после лечения девушку направили на месячную реабилитацию в Крым, в санаторий именно по специфике её заболевания. И всё это – бесплатно! Сейчас просто невозможно

представить, чтобы для лечения такой редкой и трудноизлечимой хвори, требующей колоссальных затрат всякого рода, больного вместе с родственниками и друзьями не заставили бы пойти по миру с протянутой рукой. А ведь при просрочке под угрозой могла оказаться сама жизнь! В советское время быстрое и, как правило, эффективное лечение было доступно всем.

Вернувшись домой, девушка, к сожалению, уже не производила фурора своей красотой: нос был немного неправильной формы, стянутая к уголкам глаз кожа сделала их заметно меньше, чем угадывалась их былая величина. Но всё же Валя с её весёлым нравом оставалась привлекательной. А самое главное – она выздоровела! Она была молода и полна сил. Страна бурлила комсомольскими стройками. И Валентина решила вслед за сестрами и братьями отправиться на великие дела в края неизведанные...

Бабушка по вечерам старалась чем-то себя занять – ей не спалось, а всё думалось: где, как она там? О других детях тоже вспоминала. Коленьки нет, но вот пенсию офицерскую ей за него каждый месяц приносят. Эх, сыночек! Был бы жив – сам бы заработал. Может, и не уехал бы никуда – очень к ней был привязан. Василий и Павел редко пишут, некогда им – свои семьи завели. Да и случись что – мужики сами за себя постоят, ну что уж больно за них беспокоиться? Аннушка тоже с мужем – есть кому оберечь. Шурынька с кавалером уехала, может, поженятся там?.. А вот Валюшка – ка-

ково-то ей одной на чужой сторонушке? Да ещё с лицом испорченным. Легко такую обидеть. Мало она что ли настрадалась, горемычная?..

Однажды так же сидела она в горьких раздумьях вечером за столом и при керосиновой лампе штопала чьи-то чулки. ещё понадобятся – приедут девчонки... Вдруг – стук в дверь. Поспешила в сени, спросила: кто? В ответ – валин голос. Боже мой! Открыла дверь, обняла, всплакнула, на стол, что было, собрала. Всю ночь они проговорили. Рано утром Наталья вспомнила, что надо козу в стадо провожать. Сказала Вале: ложись, мол, поспи. Сама направилась в закуток, отгороженный в сенях, где стояла её кормилица. Та как-то странно себя повела: брыкалась, не хотела идти – упиралась, жалобно бляяла. Кое-как справившись с упрямицей, бабушка вывела её на улицу, и еле-еле догнали они уходящее стадо.

Увидев, что её Белка потрусилась вслед за подружками, Наталья поспешила домой: завтрак надо готовить, обед – кормить дочку. Однако, заглянув в спальню, никого там не увидела. Наверное, к подружкам убежала – подумала и решила прилечь. Когда проснулась, попыталась встать – почувствовала необъяснимую слабость. Остаток дня прошёл в каком-то полусне. Вроде бы что-то делала, потом ложилась, снова вставала... Когда стемнело, села к столу и вдруг услышала стук. Бросилась к входной двери. В голове мелькнуло – дверь-то не запирали... Открыла – Валя стоит. Снова всю ночь они проговорили. Чуть рассвет забрезжил в окошках –

забеспокоилась: козу пора выгонять. Хотела Вале об этом сказать, голову повернула – ан, нет Вали! Подумала: спать пошла. А сама – в сени, за Белкой. На этот раз они не опоздали: коза присоединилась к проходящему мимо их дома стаду. И Наталья уже было приоткрыла калитку, чтобы войти в свой двор, как её окликнула соседка Настасья. Наталья отмахнулась:

– Некогда мне разговоры вести, завтрак надо готовить – Валентину кормить.

– Как, разве она приехала?

– Ну да, позавчера ещё.

– Позавчера? А что же я её не видела?.. А вот кое-что другое видела! Вчера подумала: почудилось мне. А сегодня пораньше вышла с Зорькой. Вдруг корова моя как вскинется! Еле удержала. Глянула, от чего она шарахается, а из твоей трубы змей огненный вылетает! В сумерках его ох как хорошо видно было!

– Что ты такое говоришь? Какой ещё змей? Огненный?! Сказки какие-то суеверные!

Бабушка была верующей, но не суеверной. Ходила по праздникам в церковь, где батюшка не раз повторял: «Суеверие – страшный грех!». Да и вера её была далекой от фанатизма: на Бога надейся, а сам не плошай! Рано оставшись вдовой, она привыкла во всём полагаться только на себя. Однажды я приехала её навестить с подругой Тамарой. Наутро после вкуснейших бабушкиных блинов на завтрак

мы немного расслабились. А бабушка принялась за дела. Нам стало неловко. Спросили, чем можем помочь. И она послала нас... рубить дрова. Оторопев от такого предложения и с испугу посмеиваясь, мы вышли во двор. В одном его углу стояла невысокая поленница. А перед ней вокруг колоды с топором навалом лежали довольно «упитанные» чурбаки. Топора мы в руках никогда не держали, да и брёвен, хотя и распиленных, тоже. Вдвоём затащили на колоду один чурбак и начали по очереди по нему тюкать. На чурбаке даже зазубрин не оставалось. Замерли в растерянности.

– Не получается? – услышали за своими спинами сочувственный голос бабушки.

– Руки – крюки, – сказала я виновато.

– Руки – как руки, – возразила бабушка, забирая у меня топор. – Глаза боятся – руки делают.

Ей тогда было уже за семьдесят. Нам с Тамарой – по пятнадцать. Но мы были выше неё ростом. Да и костью покрепче. Маленькая и щуплая, бабушка подняла топор высоко над головой и, приговаривая: «Ничто не уйдёт от рук человеческих!», с силой опустила его на чурбак, который тут же разлетелся на две половинки. Отдала топор мне. Я подняла его, как и она, высоко над головой. Тамара быстренько подставила под него одну из половинок. «Ничто не уйдёт от рук человеческих!» – сказали мы с ней в один голос...

– Сама бы не поверила, если бы кто другой рассказал, продолжала между тем соседка. – А это – своими глазами! Ну

как щас тебя... А вот скажи – где она, твоя Валентина, в сей момент?

– Дома. Спит.

– А ну-ка, пойдём, проверим!

Они вошли в дом, прошли в спальню, проверили все углы и закутки. Нигде – никого!

– Позавчера, говоришь, объявился? Стало быть, два раза уже прилетал. А на третий раз что бывает – знаешь? Вспомни, как в Скворечном (соседнее село – **К.Ш.**) вдовица по мужу, преставившемуся, убивалась, и начал змей её облётывать. Две ночи поразговаривал, а в третий раз – хват! – нашли её наутро задушенной. В общем, так: кресты надо рисовать, чтобы не было ему больше к тебе дороги.

Они нескоро, но всё-таки нашли несколько кусков мела. Начертили кресты на всех дверях, окнах, под стрехами. До трубы не смогли добраться, так всю заслонку в печи и вокруг неё изрисовали – не протиснуться чертяке! Делали всё это, сотворяя молитвы. Теперь бабушке предстояло встретить ночь – хоть и во всеоружии, но по негласным правилам противостояния с дьяволом – одной.

– И как же ты, одинёшенька, сидела тут и не боялась? – спросила я её с замиранием сердца, когда она повествовала мне эту историю. – Страшно ведь было...

Она лишь усмехнулась и пожала печами. Конечно, ей было страшно. Да ведь столько раз за жизнь уже было страшно! Не уйти от неизбежного – его просто надо переступить, ина-

че оно тебя сломает. Сидела, ждала. Вдруг завыл ветер... Как потом ей рассказала Настасья, наблюдавшая из своего окна, это змей со свистом нарезал круги вокруг её дома, попробовал было сунуться в трубу, да выскочил оттуда, как ошпаренный. И вдруг рассыпался мелкими затухающими угольками, громко выдохнув напоследок: «А-а-ха-ха, до-га-да-лась!». Бабушка уверяла меня, что эту фразу она и сама услышала и трижды перекрестилась, сказав потом «Аминь!». Что значит – быть по сему! То есть переступаем через поверженного змея и живём дальше.

...Валентина, между тем, работая на строительстве железной дороги, связывающей СССР и Монголию, встретила хорошего парня с Украины и вышла за него замуж. Раньше она почему-то мечтала об украинской фамилии. И вот реализовала мечту – стала Валентиной Берестяк. В Забайкалье у них родилась дочка Эльвира. И вскоре все они приехали к бабушке в гости. А был ли огненный змей на самом деле или это просто богатое воображение двух немолодых женщин? Как сказала Настасья, не поверила бы, если кто другой рассказал... Да и не это главное! Бабушкина ситуативная мудрость вошла в меня на подсознательном уровне, как оберег: ничего не бойся и делай то, что должно. Оглядываясь теперь на пройденный путь, немало вижу там самых разных «змеев»: горькие разочарования, коварные происки судьбы, несбывшиеся надежды... Но всё же мне удавалось через них перешагнуть и идти дальше.

ПРИЛЕТЕЛА ПРОСТИТЬСЯ

С Анной Викторовной мы не были подругами. Просто жили в одном доме: она – в шестом подъезде, я – во втором.

Как-то так получилось, что нам с ней и другими активными жильцами дома пришлось заниматься агитацией и сбором подписей против перевода нашего дома из государственной управляющей компании ЖКХ в частную. В ходе общего дела мы с ней подружились. Но приходили друг к другу редко. Когда случайно встречались на улице, очень радовались этой встрече, обнимались, обменивались новостями. Иногда откровенничали, делились друг с другом личными переживаниями. И никогда не слышали, чтобы потом кто-то из нас сделал это достоянием всего двора. В общем, у нас были тёплые, добрые соседские отношения. Но вдруг Аня стала мне встречаться всё реже и реже – сказала, что болеет, трудно выходить на улицу.

Однажды с утра я решила заняться уборкой квартиры и начать с комнат. Но провозилась на кухне с готовкой, потом всё там мыла, чистила. Заодно захватила ванную комнату и туалет. Посмотрела на часы – 14.00! Попеняла себе: уже за полдень, а я к уборке в комнатах ещё не приступала. Поспешила в дальнюю спальню с тазиком и тряпкой – вытирать пыль. Поставила тазик, отжала тряпку, и... почему-то потя-

нуло меня к окну, на которое внезапно нашла некая тень. Я присмотрелась: по стеклу одной из створок окна расплзается тёмное пятно, чётко очерченное в виде перевернутой капли. Внезапно сквозь него проступило лицо Ани. Оно выглядело моложе, чем на самом деле, его окружал светлый ореол её кудряшек, усыпанных мелкими белыми цветочками с чёрной каймой вокруг лепестков. Её плечи и грудь в белом платье тоже были осыпаны такими же цветочками.

– Как она тут? Ведь это же четвёртый этаж! – пронзила меня совершенно несуразная мысль.

Аня смотрела на меня из этой странной рамки с какой-то ласковой печалью. Мне подумалось, что так можно смотреть только в последний раз. А ещё эти белые цветочки с траурной каймой вокруг лепестков... Неужели?! Нет-нет! Я резко отвернулась от окна, а когда снова на него взглянула, оно было беззаботно прозрачным.

На следующий день, возвращаясь из магазина, я увидела у своего подъезда двух соседок. После взаимных приветствий они остановили меня вопросом:

– Ты ведь знала Аню из шестого подъезда?

Я удивилась вопросу: почему вдруг они меня об этом спрашивают? Мелькнуло страшное предчувствие. Я еле выдавила из себя:

– Почему – знала? Знаю.

– А мы ведь вчера её похоронили...

У меня сразу перед глазами возникла картинка в окне:

прощальный взгляд Ани в «перевернутой капле». Невольно вырвалось:

– Во сколько?

– В два часа.

Да, это было в 14.00. Перевернутая капля – так ведь порой изображают душу человека. Значит, это душа её прилетала ко мне проститься?

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

МАРТ – ВЕСНА ВОДЫ

– Девушка, кто у вас стройкой занимается? Кто может строителей приструнить? – сердито спросил мужской голос в телефонной трубке. Ни тебе «здрасьте», ни, мол, я такой-то.

– Здравствуйте, – с вами говорит заведомо строительства Евгения Соколова. Что случилось?

Трубка некоторое время пыхтела, потом радостно завопила:

– Женечка! Господи, как же я, старый дурак, забыл, что ты в газете работаешь?! Ты дядю Гришу Прибылова помнишь? Ты помнишь нас с тётёй Катей?

– Да, конечно, вы – мамины земляки.

– Ну да! Женечка, у нас беда – дом затапливает. Строители осенью чего-то рыли вроде как под фундамент, да так и оставили. За зиму в этой яме снегу набралось, а теперь март-месяц – снег начал таять, вода пошла к нам в подвал. Пускай они её обратно закопают или поток в сторону отведут. К нам сроду вода не текла. Пускай они сделают, как и было!

– Я попробую.

Дядя Гриша долго ещё что-то говорил всё по тому же поводу. Уловив, что Женя собирается всё уладить по телефону, горячо запротестовал:

– Нет-нет-нет! Я сейчас за тобой приеду – у меня «жигулёнок», ты сама всё посмотришь, а потом вместе поедем, куда надо: чтоб тут же (!) сделали, а то проваландаются неделю: низ сгниёт – весь дом рухнет.

Господи! Страхи-то какие! Неужели всё так серьёзно?..

Пока Женя ждала дядю Гришу, кое-что вспомнилось, связанное с ним. Однажды, уже взрослая, она нашла в мамином альбоме фотографию, которую раньше там не видела. Мама на ней была совсем юная, с задорными кудряшками, пухлыми губами и немного испуганными глазами. Или... виноватыми?.. Голова её была склонена набок. На тот, где кудряшки были прямы. Кем или чем – не понять, потому что именно в этом месте фотография была разорвана ровно пополам. Но всё же о том, что с этой стороны сидел мужчина, можно было догадаться. По крупной ладони в белоснежной манжете с краешком пиджачного рукава, которая по-хозяйски лежала на мамином плече с другой стороны. Когда Женя напрямую спросила – кто это, мама только отмахнулась:

– Да так... кавалер один, чуть было замуж за него не вышла – уж так уговаривал.

– А почему не вышла?

– ...Папу встретила.

Вот тебе – на! Вроде бы про всех маминых кавалеров-поклонников допапиного периода Женя знала. Все они сидели рядом с ней на фотографиях, и никого из них она не отрывала. Чем дальше, тем больше разбирало её любопытство – сверх всякого терпения. Женя принялась скрести по маминым сусекам-тайникам – ничего интересного, кроме сберкнижки с внушительной суммой на её, женино имя, не нашла. Кстати, сберкнижка «сгорела» потом, как и стариковские «гробовые», в пламени гайдаровских реформ.

Разгадка пришла неожиданно и случайно. Из того самого альбома, неосторожно ею согнутого, из-под плотной обложки однажды выскользнула вторая половинка. Женя соединила её с первой. Получилось: мама сидит в обнимку с таким же молодым, как она тогда, дядей Гришей. В молодости они дружили семьями – Соколовы и Прибыловы. Об этом Женя помнила с детства. Потом почему-то раздружили. Не из-за несочетаемости же фамилий...

Через полчаса дядя Гриша, ни на секунду не умолкая, уже вёз её к своему дому.

Почему же всё-таки раздружили? Ведь папа с дядей Гришей даже работали вместе до пенсии. В их районном городке не так много предприятий. Для них, столяров, одно только и годилось – завод по производству деревянных изделий «Стройдеталь». Женя по своим газетным делам не раз там бывала.

– Всю жизнь приходится подрабатывать, – говорил между

тем Прибылов, – зряплата у нас с твоим отцом, сама знаешь, какая была, а пенсия – ещё смешней...

Тех кавалеров «не отрывала», потому что все они погибли, – у Жени свой ход мыслей, – мамина молодость пришлась на Великую Отечественную. Постой... рассказывала она про какого-то одноклассника-фронтовика, который долго за ней ухаживал и отстал, только когда она замуж вышла. А тут папа взял да и укатил на Дальний Восток. До войны он проходил там срочную службу в войсках морской пехоты. Поражённый красотой и богатством Приморского края, хотел там остаться, но соскучился по родным... А вернувшись домой, повстречал свою судьбу. Ещё до свадьбы он звал маму в возлюбленный им край, рассказывал про море-океан и сопки, но она боялась уезжать так далеко от родного дома. И он «махнул» один, едва истёк медовый месяц. Мама даже не успела ему сказать, что беременна. Она страшно обиделась на него. Он же надеялся, что она соскучится и приедет вслед за ним в «город его имени». Так они называли Владивосток. Мама мучилась токсикозом и потихоньку ненавидела мужа, оставившего её одну в таком мучительном состоянии. Тут и подвернулся снова тот самый «долгий» ухажёр-одноклассник: «Выходи за меня. Никто и не узнает, что ребёнок не мой». Уж не дядя ли Гриша тот таинственный одноклассник? Голова-то её на фотке – на его плече не как у друга семьи...

– А то на что бы машину купили, – продолжал дядя Гри-

ша, слегка юзя на раскисшей дороге. – Конечно, у меня-то здоровьишка нет. Катерина на своей машинке зарабатывает – строчит день и ночь...

Да, Женя знала, что его жена – лучшая закройщица в ателье «Берёзка». Но, хотя получала там прилично, это был не основной её заработок. Она шила на дому, причём не всем подряд – только элите: жёнам секретарей райкома и горкома, председателя райисполкома, а так же их замов. Не отказывала заведующим магазинами, директорам пищевых комбинатов и учителям своих детей. Да, ещё жене редактора. Та хваталась как-то раз, что на семинаре в области на неё, вернее, на её наряд обратила внимание важная гостыя из Москвы: «Где это вы приобрели такой костюмчик? Французская модель»... Редакторша прыснула в кулачок: «А это наша Катя Прибылова такое выдаёт!».

Женя в городскую элиту никак не попадала. Помнится, мама просила тётю Катю, с которой они, несмотря на размолвку мужей, при встречах разговаривали, сшить для Женечки платье на выпускной вечер – всё-таки институт окончила. Тётя Катя отказала – якобы, работы невпроворот. «Конечно, много ли с нас возьмёшь, – обиженно поджимая губы, рассказывала потом мама. – Она за платье двадцатку берёт, а обычным-то портнихам пятёрки за глаза хватает». И заказала платье «обычной» портнихе, которая потом оказалась совсем не простой: до войны работала костюмершей в Мариинке. После эвакуации в Ленинград не вернулась, потому

что нашла свою судьбу здесь. Шила не хуже Прибыловой, но плату брала умеренную.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал дядя Гриша, осторожно останавливая машину. Женя вышла «на волю». Огляделась, узнала дом Прибыловых. Большой, нарядный, обведённый высокой бетонной завалинкой, он как на постаменте стоял. А вот и яма, вернее – траншея, через дорогу от него. Мартовское солнышко жарило вовсю, топя снега, и вода, проделав в них желобки, резво сбегала на дорогу. А поскольку дом стоял ниже неё, то, проковыряв в рыхлых, осевших сугробах себе путь, ручейки через дыры в заборе весело устремлялись по огороду прямо к «постаменту». Но как они попадали в подвал сквозь этот монолит?! Женя постеснялась задать такой вопрос дяде Грише, тем более попросить его показать подвал.

– Вот видишь, видишь, – суетился он возле неё. – Вода камень точит. Сделай что-нибудь, дочка. Уж мы тебя отблагодарим... Тётя Катя сошьёт тебе что-нибудь вне очереди.

Женя, не обращая внимания на его трескотню, вернулась к злополучному объекту, прикинула – так разрыть здесь могли только из стройтреста №1. Напротив дома Прибыловых ещё с войны стояли бараки – для эвакуированных строили, потом там жили приезжие рабочие. В 60-е их снесли, землю кое-как выровняли. Очень долго думали: парк ли разбить на этом пустыре, стадион ли соорудить. Начали строить новую музыкальную школу, почти вывели цоколь и... заморо-

зили стройку. Дядя Гриша перестраховывается – как бы его «упакованный» фундамент не сгнил, подумала Женя, а тут всё открыто, и никто в ус не дуёт: надо этим заняться...

Пошли к машине. Дядя Гриша снова что-то говорит, говорит, едва сумела вставить, куда надо ехать.

«Работа, грит, любит дураков, – подкинула Жене Мнемозина из заброшенного своего уголка разговор родителей. Говорил папа:

– Думаю, чего это он возится? Ну, пусть вещь не стандартная, но не рояль же! (Сам папа и рояль мог бы сделать – на Дальнем Востоке работал на фабрике пианино) – И вот крутит... себе на уме... эскиз изучает. Мол, чертежа точного нет, надо всё продумать, прикинуть. Весь рабочий день прикидывал и на второй принялся дурака валять... Взял я эскиз (папа был бригадиром столяров, потому и решал, кому чем заниматься), за два часа сделал эту подставку для музея. А он мне на ухо шепчет: «Вот потому и ездят на тебе! Сложную вещь – ты за бесценок. По времени-то ерунда получается – нате вам, пожалста! И вдругорядь нам работы подвалят, а под расчёт – всё те же копейки. Охота за так вкалывать!». Ты, говорю, ни за так, ни за как работать не хочешь. А деньги в бригаде всем поровну делим. Работа, грит, дураков любит. И пошёл к своей тумбочке вразвалочку – полдничать. Его и так вширь прёт... Такой вот умный: на чужом горбу – да в рай. Чтобы здесь бригада за него пахала, а дома – жена».

– Ты что – не слышишь, что ли? – извлёк Женю из объятий

Мнемозины вопрос спутника. – Отец-то, говорю, всё стучит?
– Стучит.

Папа подрабатывал дома, как и тётя Катя. Он делал рамы для окон, при случае и багеты для картин, а ещё двери, сундуки, этажерки и прочую мебель. Всем, кто просил. Но не за такие деньги, как Прибыловы. Дядя Гриша тоже изредка «постукивал» дома – только если кто соглашался заплатить, как он говорил, по совести. И брался лишь за вещи совершенно простые, не больно-то надрывался – ни физически, ни творчески. Зато всем обещал сделать «вне очереди» и без труда это обещание выполнял – никакой очереди и в помине не было. Но за «скорость» платили втридорога. А папа даже трюмо, шкафы для одежды, украшенные резьбой по дереву и точёными фигурками, отдавал по цене стандартных, магазинных. И заказов у него всегда было на месяц-полтора вперёд.

– Так у верстака и окочурится когда-нибудь, – ухмыльнулся Дядя Гриша. Женю покорило от затаённого злорадства в его голосе. И память снова возвратила её к тому родительскому разговору – словно носом ткнула. Женя вдруг ясно увидела: мама за время папиного монолога не проронила ни слова и выглядела почему-то виноватой. Ну да, это про дядю Гришу тогда папа говорил – «на чужом горбу в рай», про него. Тогда они и раздружили. А про «одноклассника», наверное, и раньше знал. Но он был чужаком в мамином селе, Григория держался – тот помог ему «втереться» (тоже дя-

ди-Гришино выражение) в плотницкую артель шабашников. А потом перетянул сюда, в районный городок: «рыба ищет, где глубже – человек, где лучше».

Стройтрест №1 недавно переехал в новое здание – выстроил себе «контору» в центре города. Следы недавней новостройки ещё «украшали» обочины подъездных путей. «Благоустройство территории у вас всегда в последнюю очередь», – вспомнила Женя разнос на оперативке второго секретаря райкома партии, курировавшего строительство. Управляющий трестом только дышать стал погромче... Как с гуся вода!

Пока поднимались на второй этаж, Женя решила – лучше идти к главному инженеру: молодой, деловой, и техника в его ведении. Едва успела секретарша доложить Колосову о них – вышел сам, пригласил в кабинет. Женя в двух словах обрисовала, с чем пришли. Колосов, поразмыслив немного, извинился:

– Сегодня – ну никак! У нас один экскаватор в ремонте, второй – на сдаточном объекте. И завтра занят будет – аврал. – Виновато улыбнулся. – Давайте послезавтра.

Женя вопросительно посмотрела на дядю Гришу.

– А мы так и напишем в газете, – сурово отчеканил тот, в упор глядя на главного инженера. – Да не в нашей районной, в областную напишем. Так ведь, Евгения Владимировна?

Женя замерла от неожиданности.

– Мало она вас песочила и за гостиницу, и за больницу (почитывает, значит, местную прессу дядя Гриша)?.. Хорошо вас областное начальство «умыло» по следам наших выступлений за ваше качество?!

Колосов поник головою – да, достала она их тогда с этими объектами соцкультбыта. Оба с управляющим по «строгачу» получили.

– А теперь ветерана обижают! Я всю войну прошёл, чтобы вы, сопляки, надо мной изголялись?!

Жене мгновенно вспомнилось – на войне он был от силы полтора месяца. Его «годки» захватили самый её конец. Их посадили в эшелон и повезли. Перед самой границей кардинально поменялось направление. Однажды утром они проснулись и поняли, что поезд идёт не на запад, а на восток: Япония решила, что пришла её пора отщипнуть от обкусанного было с другого края пирога. Но к прибытию новобранцев и с ней уже почти управились. Разъединый раз нюхнул он пороху – попал под обстрел. Служил в обозе поваром – сам об этом не раз говорил в застолье (они, дети, как обычно, крутились рядом). «Все – в укрытие, – рассказывал он, похотывая. – А мне куда? На грузовике стою, рядом котёл с кашею – рисовая была, с американской тушёнкой. Прыг туда и крышкой, как смог, накрылся. Светопреставление кончилось, вылезая, счищаю кашу с сапог, – показал выразительным жестом, как шмякал её обратно в котёл. – Ну, говорю, кому добавки?»

– Я весь израненный, два раза контуженный, – продолжал своё «светопредставление» дядя Гриша. Рванул на груди модную куртку. Лицо его вдруг расквасилось, из глаз голубиными яйцами посыпались слёзы, побагровевшие пухлые щёки забились в чечётке. – Вы меня истребить хотите?!

Казалось, он сейчас займётся в истерике. Колосов быстро придвинул к себе телефон, отдал распоряжение о срочной дислокации экскаватора и характере новых работ. Женя с брезгливой тоской наблюдала, как «ветеран пытается сдерживать рыдания».

– Потом сразу же назад, на сдаточный! – Положив трубку, главный налил в стакан воды из графина и протянул его Прибылову. Тот принялся пить маленькими сосущими глотками – будто нарочно у занятых людей время отнимал. Женя, изнемогая от стыда, встретила взглядом с Колосовым и увидела, что он всё понимает и её в происходящем не винит. Сказала «спасибо» и быстро пошла к двери...

Когда они подъехали к дому Прибыловых, экскаватор уже сделал своё дело и разворачивался к дороге. Знакомый экскаваторщик махнул Жене рукой – и в знак приветствия, и на прощание. Дядя Гриша весело засуетился вокруг траншеи.

– Видишь, как ловко с той стороны землю срезал? А на нашу ссыпал. Теперь к нам не потекёт... – И снова, и снова говорил, какие все они молодцы: и экскаваторщик, и Колосов, и Женя, и, конечно, он сам. Как всё быстро, «без разго-

воров» сделали. – Ну, а теперь тётю Катю за бока – пускай поит-кормит.

Женя едва сумела отговориться. И чтобы не отвозил её в редакцию – просила не беспокоиться: остановка автобусная рядом.

Вышла на дорогу, а навстречу ей... весна! Надо же, только разглядела, ласку солнышка ощутила, щебетание птиц услышала. Как там у Пришвина? Четыре этапа: весна солнца, весна воды, весна звуков, весна цвета... Март – весна воды. Сколько её пробежало по этой земле! Говорят, дважды не ступишь в одну и ту же. А её, Женю, Мнемозина взяла да и окунула в водицу прошлого – как в помоях прополоскала. Из-за таких вот дядигриш, гениев шкурного инстинкта – где больными прикинутся, где контуженными, где обиженными – настоящим ветеранам иногда бросают в лицо молодые: «Те, кто в самом деле воевал да выжил, от ран давно поумирали...». Господи, и этот человек мог бы стать её отцом! По журналистской привычке выстраивать ассоциативные ряды припомнила притчу о том, почему нерадивому мужу Бог даёт жену работающую... Ясно почему – для равновесия. Но Бог – не буквоед какой-нибудь, иногда и свои «инструкции» нарушает, варьирует, экспериментирует. Ах, как вовремя вернулся папа с Дальнего Востока – сорвал один такой экспериментик. Не то плакать бы маме со всем семейством горячими слезами. «Паровозом», как тётя Катя, она вряд ли смогла бы быть. Да и папе с тётей Катей, случись та-

кой поворот судьбы, не сладко пришлось: раздавила бы стяжательством. Нет, Господи, без особой нужды не отступай от своих правил!

1986г.

МАДОННА МЕСТНОГО УЕЗДА

На крыльце в ослепительном полуденном свете стоит женщина с младенцем на руках. Она ещё совсем юная – румянец во всю щёку. Тёмный плат слегка укрывает её пышные волосы. Руки, обвивающие упитанное дитя, кажутся такими тонкими, что вот-вот не выдержат – разомкнутся. В ногах у неё притулились два ангелочка с загадочно-лукавыми мордашками...

Нет, это не описание «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Такой я впервые увидела тётю Катю с её погодками Шуркой и Славкой пяти и четырёх лет и совсем ещё маленьким Витюшкой.

Я смотрю на эту «картинку» снизу вверх – крыльцо высокое, а я почти такая же, как погодки, которые потом станут товарищами по играм моим младшим братьям.

Болтневы переехали в наш городок из сельской глубинки. Купили дом наискосок от нас и тут же начали строиться заново. Рядом со старым деревянным домиком быстро выросли кирпичные стены. Когда переехали в новый дом, старый снесли. То, что от него могло пригодиться, увезли на соседнюю улицу, где приобрели пазьмо – так тогда называли участок земли под застройку. Там поставили ещё один дом – для бабушки, матери тёти Кати, которая не захотела оставаться

одна, без помощи молодых, в деревне. Вторая бабушка, мать дяди Коли, жила с ними. Но и на её имя застроили дом – уже третий по счёту.

К тому времени Шурка окончил техникум. Славка – среднюю школу, и подросла пора обоим им идти в армию. На счастье, в военкомате решили, что служить они будут вместе, в одном подразделении. Да счастье то было недолгим. Только родители съездили к ним «на присягу» – вслед пришла телеграмма. И снова они туда поехали – за гробом. Погиб Славка.

– В командировку его послали за горючим, – рассказывала потом соседям тётя Катя, – в кабине трое их было: водитель да капитан, а Славочка наш посередке. Трасса ходовая – машин много, все – на скорости. И откуда ни возьмись – встреч КамАЗ, так и врезались... Водителя сразу насмерть, капитан выпрыгнуть хотел, только высунулся – дверцу-то и захлопнуло взрывной волной – бак загорелся. Голову ему напрочь...

– Оторвало?!

– Оторвало. И она покатила. Потом еле нашли в кювете. И оказался мой сыночек зажатый меж двух мертвецов – ни туда ему, ни сюда. А машина горит... Живой в машине сгорел.

Она поджимала губы, вздыхала, всхлипывала, но глаза оставались сухими. Без неё соседки судачили меж собой: мол, не больно жалеет Славку. Что греха таить, озорник был, задира. Выпивать рано начал. Николай-то сам не пьёт, а са-

могонку на глазах у мальчишек гонят. Шурка вроде на это дело не падкий, а Славка пристрастился.

Какое-то время спустя к ближайшим соседям Болтневых заглянула по делу знакомая из пригорода, услышала от них тёти-Катину версию и возразила:

– Не так всё было. У моей двоюродной сестры сын с этими ребятами... ну там же служит. Он по-другому в письме написал. Помните, они к ним «на присягу» ездили?.. Так не с пустыми руками! Бутыль самогону привозили – отмечать, значит. Они, солдатики-то новоиспечённые, там перепились, передрались и Славку-то в этой драке убили. А Шурка в это время в наряде был, как узнал – с ним нервная горячка сделалась. В госпитале отлежал – да его в другую часть перевели... Это ж надо такое напридумывать – голову в кювете нашли... Живым сгорел... Господи, и поворачивается же язык!

В это время я училась в институте в другом городе. Приехала на каникулы – встретила с отслужившим уже Шуркой и ещё с одним парнем с нашей улицы. Мы стояли на перекрёстке, болтали ни о чём, смеялись, но когда мой взгляд падал на Шурку, меня пугали его глаза – они были не с нами. Кстати, парень он был хоть куда – высокий, широкоплечий и лицом пригож, прямо добрый молодец из сказки. Только был тот молодец словно заколдованный. Уже после каникул в институте узнала от земляков – Шурка Болтнев застрелился из охотничьего ружья.

– Ему всё казалось, что он в Славкиной смерти виноват, – рассказывала мне потом подробности мама со слов самой же тёти Кати. – Он да мать. Зачем самогон тот привезла?! И он – знал же, каким Славка во хмелю бывает. Да разбить надо было ту бутылку или вылить! Винил больше себя – не смог младшего брата уберечь...

Говорят, время лечит. Но тут чем больше его проходило, тем дальше от реальности уносило парня в горе.

– Ему казалось, что она так же переживает, как и он, – горестно продолжала мама. – Однажды взял ружьё и говорит: «Мама, я тебе помогу, а потом сам...». Она – крадучись, в бабкин дом недостроенный, да там и спряталась. Он понял, где она. Пришёл и чуть ли не на её глазах ружьё стал пристраивать. И ей невдогадь?! Не кинулась к нему, не повисла на руках... Людей не позвала и сама не уговорила. Чай, были у них и допреж разговоры – и слов-то нужных не нашла... Уползла улита под кровать. За себя испугалась больше, чем за него.

– Так, может, думала, что он не всерьёз?

– Как не всерьёз?! Ружьё – это тебе что? Леденец на палочке?... Теперь вот остались с Витюшкой-дурачком. Вон посмотри – опять в похороны играет.

Тот самый упитанный младенец, с которым на руках я впервые увидела тётю Катю, страдал болезнью Дауна. Характерная маска с возрастом ещё чётче обозначилась на его лице. Но сам Витюшка был довольно крупным и для этой бо-

лезни, и для своих семнадцати лет. Раньше он просто любил бродить по соседним улицам, что-то бормоча себе под нос. Теперь, после вторых похорон, целыми днями сидел на куче песка возле дома и строил... кладбище. Вот роет свежую могилку, достаёт из-под скамейки «реквизит» и, тяжело ступая, идёт вокруг кучи, изображая то отпевание – попа с кадилом, то духовой оркестр с «ударными» – крышками от кастрюль. Потом садится у «могилки» и плачет над замызганной безволосой куклой, завернутой в белую тряпку. Закапывает её и втыкает в бугорок связанный из палочек крест.

Господи, как же это всё пережить родителям?! Николай Болтнев на похоронах старшего сына, говорят, оглядел народ замутнённым слезами взором и изумился:

– Старух, старух-то сколько! И все – живые!

А Катерина была, как полумёртвая. Но уже после девяти дней они оба сели в свою «Ниву» и поехали за добычей: что-то где-то перекупали, потом перепродавали втридорога. Тогда это ещё не называлось бизнесом, а считалось позорным делом – спекуляцией.

– А как же? – оправдывалась потом перед любопытствующими тётя Катя. – Дом-то надо достраивать.

В самом деле, последний дом был ещё не полностью отделан и экипирован всевозможными постройками. Кстати, дома бабушек изначально предназначались сыновьям: мол, женятся – и сразу есть, где жить. Тем более, что одна из бабушек умерла ещё до ухода ребят в армию. В готовом доме

сразу же поселилась вторая сватья. А недостроенный явно оборудовался на продажу.

Не знаю почему, но однажды тётя Катя выбрала меня в душеприказчицы – в смысле излияния своей души. Узнав о моём приезде – на выходные ли, в отпуск, – приходила, как к подружке. Тут, наверное, стоит сказать, что и впрямь в подружки мне она годилась – была не намного старше меня, лет на 12—13, – чего я сначала не знала. Оказывается, Шурку родила, когда ей ещё и шестнадцати не исполнилось. Но всё было по-честному с дяди-Колиной стороны. Вернулся он с войны – Великой Отечественной – в свою деревеньку. Считай, с двух войн – с фашистами да японцами. И по старой памяти к весёлой Марье заглянул. Так там тётя-Катину мать называли. А навстречу ему выросла в двери этакая румяная деваха. Только стукнуло ей пятнадцать, а выглядела на все двадцать. Втяпался – сам от себя не ожидал. В сельсовете у него близкая родственница работала – вот и уговорил побыстрее расписать. И как-то жизнь у них так закрутилась – всё дела какие-то, хотя официально работал только дядя Коля, Катерина – по дому да с детьми. А тут ещё Витюшка такой – ему всё внимание. Погодки-богатыри выросли сами по себе.

– Я матерью-то себя понять не успела, – призналась как-то Катерина. Не успела она почему-то «понять» и в тридцать семь лет, после двух этих страшных смертей. На последнем месяце беременности «ворочала» на строительстве баньки

при том же, третьем, доме, который теперь обустроивался вроде бы для вынашиваемого ребёнка. Но случились преждевременные роды. Врачи говорили, что во время них она «неправильно» себя вела, и ребёнок родился мёртвым. И как в наших роддомах устроено, оживляли его тут же, в родовой палате, рядом с роженицей. Когда она узнала, что это девочка, взмолилась: «Спасите!». А девочка то розовела на её глазах, то снова синела. Врачи пеняли ей:

– Немолодая уже, чтобы голову-то от боли терять. Если бы слушалась нас... А может, ты нарочно её придушила в родах?..

Рассказывая это, Катерина иступлённо повторяла:

– Нет, девочку я хотела... Как же нарочно? Я же не знала, что девочка. Я хотела... Если бы я знала...

И как будто в доказательство тому однажды пошла к соседям, у которых дочь родила в девушках, да попросила: отдайте, мол, малышку нам, вам же легче будет мужа дочери найти без ребёнка-то, да и лишний рот долой. Не столь юная мамаша, как была в своё время Катерина с первенцем, крепко прижала дочку к себе и унесла в другую комнату. А новоиспечённый дед сказал:

– Ничего, подыдем.

Жена его ядовито прибавила уже вслед непрошенной гостье:

– Своих бы берегла.

Однако не уберегла она и Витюшку. Пристрастился он по-

хаживать в пивной бар на дармовщинку – находились «сердобольные» подпаивать несмышлёного вместо пива водочкой. А в отсутствие таковых украл он как-то бутылку у иных людей, за что был бит нещадно. Вроде бы отлежался, но стали с ним случаться какие-то приступы, при которых ему требовалась срочная медицинская помощь. В общем, теперь он всё время должен был быть у кого-то на глазах. А тут в области, что южнее нашей, слива поспела – дёшево можно было там купить и дорого тут продать. Закрыли Болтневы Витюшку одного в доме и уехали. А вернулись – он лежит на полу бездыханный.

Добро... Почему одно слово означает два таких разных понятия? Почему обрастая добром материальным, мы так легко расстаёмся с добром человеческим?

– Пришла в больницу за справкой о смерти, – причитала Катерина в очередной мой приезд, – а мне и давать её не хотят. Следователя, говорят, на вас насрать надо. И прямо мне в глаза: «И что ты за мать? Всех детей своих погубила». Да как же это? Почему я?

Да, почему? Столько лет прошло, а не даёт мне эта история покоя. Хотя по нынешним временам можно услышать истории и покруче. В лес на мороз младенцев сейчас не мачехи посылают, как бывало в русских сказках, а отвозят кровные мамыши, и в мусорные баки новорождённых они же выбрасывают. Но это бывает либо от крайнего эгоизма, от бесчувственности и безмозглости, либо – от отча-

нения, безысходности. И главное – они это делают намеренно. А Катерина вроде бы даже не мыслила кого-то погубить. Невзначай как-то так получалось. Если бы знала... Просто матью себя понять не успела... На жертвеннике – четверо. Ради кого и чего?

Мне посчастливилось видеть оригинал «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Очень удачно он помещён в Дрезденской картинной галерее старых мастеров... Высоко, среди облаков, освещённая каким-то внутренним светом – совсем ещё юная мать с младенцем на руках. Невыразимая любовь и нежность в её глазах. И решимость. На алтарь господень приносится единственное любимое дитя. Ради спасения человечества, вызволения человека из плена собственных пороков и грехов. Мы смотрим на неё снизу вверх. Ощущение ирреальное – соучастия, отчего немного жутковато: не каждая женщина готова к такой жертве. Однако её жертва оказалась не напрасной – миллионы людей на Земле почитают Христа и стараются жить по его заповедям.

...Николай Болтнев не перенёс всех ниспосланных ему утрат – ушёл вслед за своими детьми. Когда ему стало совсем плохо, он распорядился насчёт своих похорон. При этом запретил родственникам класть Катерину потом, когда придёт её черёд, в их общую с детьми могилу: её – отдельно! («Её чтобы с нами не было!»). Но ещё при его жизни в нашем городке всем участникам Великой Отечественной войны начали предлагать – бесплатно, разумеется, – благоустроенные

квартиры. И ему – одному из первых как участнику двух войн. Болтневы к тому времени уже реализовали два «бабушкиных» дома. Продали и тот, в котором жили, и переселились в квартиру. В ней потом Катерина доживала свои последние дни в полном одиночестве. И, наверное, хорошо, что так сложилось: дом содержать не под силу одной женщине, даже имеющей возможность нанимать людей для полного обслуживания. Однако соседи всё же решили, что Катерина настояла на получении квартиры по другой причине – чтобы уйти от воспоминаний: «В доме-то, поди-ка, на неё из каждого угла ребятишки смотрят». Но сама она избегала объяснений. Никто не знал, что за ад носила в душе эта женщина. А может, и не носила. При встречах говорила только о своих недугах, ни о чём не вспоминала и планов на будущее не строила. А может, не хотела вслух. Будто не было у неё прошлого. Да и будущего – какое будущее без детей?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.